

Ты не знаешь, как тебе определиться и что тебе определять.

Ты пребываешь в смятении.

И воронка затягивает тебя все глубже и глубже. Ты думаешь, как хорошо выехать рано утром на чистый солнечный снег, на чистую дорогу. Слепит глаза. Наверное, это может спасти. Такое простое, сахарное присутствие в морозном воздухе.

Ты представляешь под собой большое горячее животное.

Оно играет мускулами спины. Длинными, стягивающими и распускающими движениями шага, раздвинутого в пространстве.

Но ведь это – лишь вымысел бескрайней пустыни.

Ты никуда не движешься.

Ты просто не хочешь открывать глаза.

Любая конкретность, любая определенность может ранить тебя безвозвратно.

Ведь достаточно спросить человека: в чем твоя забота? – чтобы человек, его отражение на сетчатке, стал как предмет.

Пойманный же в сачок своей судьбы, ограниченный датами рождения и смерти, сын своей матери и отца, гражданин города и отечества не знает о бесконечности.

– Тебе совершенно неинтересна реальность? – спросила женщина.

Они лежали в его номере. Дверь балкона была открыта, и горы стояли совсем близко. Снизу доносились дружные скандирующие крики.

– Я не знаю, – сказал он.

– Тебе неинтересны другие люди.

– Не то чтобы.

– Ты с кем-то расстался?

Он посмотрел на потолок. Две розетки – пожарных, от задымления, с красными мигающими огоньками, расположенные симметрично относительно фонаря.

Почему реальность, в отсутствии которой она его упрекает, должна всегда состоять из подробностей?

И правда ли, что всегда нужна какая-то история, чтобы о чем-то рассказать?

– Ты так всегда молчишь? – спросила она.

Он попытался улыбнуться и даже попытался ее поцеловать, но она отодвинулась, упираясь в него обеими руками, в грудь и в живот.

– О чем ты все время думаешь?

– Когда? – не понял он.

– Па-здрав-ля-им! – снова закричали снизу за окном.

И он вспомнил контур лежащей на пляже девочки – этот разрез на ягодицах.

– Твари, – сказала женщина.

Вся голая, она поднялась и закрыла балконную дверь.

– Сегодня день рождения директора, – сказал он.

И посмотрел на фотоколлаж, где горнолыжник в красном костюме прыгал на фоне гор.

– Я уже нашла их танцевальную школу в Фейсбуке и написала им, что это не пионерлагерь. И ты знаешь, что они мне ответили?

– Что?

– Что это не они, что это шумят другие дети из другой танцевальной школы. – И как она называется?

– Я не знаю. Но это точно не «Тодес».

– Вот видишь, – сказал он.

Женщина вернулась на кровать, но теперь испытующе молчала. Очевидно, она вспомнила о том, о чем вспоминала и раньше, перед тем, как встать с кровати и закрыть балконную дверь.

– Мы знакомы всего второй день, – сказал тогда он. – И я еще никак не могу к тебе привыкнуть. – Но мне с тобой очень понравилось, – сказала она.

И по ее лицу он догадался, что она лжет.

Когда она ушла, оправляя на себе свое скользкое платье, он подумал обо всех случайностях, из которых состояла его жизнь, из которых она складывалась, и еще о том, что он так и не сказал этой женщине, с которой у него было не совсем хорошо, что завтра он уезжает.

Жизнь состояла из множества мгновений, наверное, каждое из которых хотелось бы запомнить и сохранить, но все они почему-то пропадали, проваливались в какую-то бездну, что часто ему казалось, что он и не жил.

Но что значит жить?

По странной траектории двигаться вниз.

Как же рассказать об этом скольжении?

О том, что и сам не знаешь, как назвать?

Дело не в прошлом.

И не в том, как от него избавиться.

Можно замереть в пространстве.

Двигаться из одной точки в другую.

Но во времени?

Что же это за странное чувство, как будто летишь, не в силах остановиться? Что под тобой ничего нет.

И за тобой ничего нет.

И нет впереди.

Что даже и эта женщина, да и та девочка с разрезом купальника, – такая же иллюзия. Как и конь, как и морозный снег.

– Ты же собирался уезжать?

Балкон был закрыт. Сквозь стекло был виден корпус соседнего отеля с бассейном, а за ним – станция канатной дороги с разворачивающимися кабинками.

Они лежали в ее номере.

– Элегантный мотор, – сказал он, глядя, как кабинки притормаживают, тормозят, и в них впрыгивают маленькие фигурки называющихся туристами.

– Ты не уехал из-за меня?

Он перевел взгляд.

– Не то чтобы.

Она чмокнула его большими влажными губами доброго ласкового животного. – Давай завтра на рафтинг? – Рафтинг?

Это странное слово уже переворачивалось, как геометрическая фигура в видеоклипе, и исчезало неузнанным.

– Старт напротив автобусов. Там еще пролетают, помнишь, на поясах, с «Полета орла». А мы пойдем на трех катамаранах через город. И говорят, что еще вниз после, километров шесть. Я никогда не пробовала. Давай?

Она засмеялась. Уперлась руками в его плечи и раздвинула колени над его бедрами.

– Скажи, что ты не уехал из-за меня?

И укусила его в шею.

– Ты что?! – вскрикнул он.

– Не отводи глаза.

Свобода не имеет имени и не знает предназначений. Ты не сказал ей, что и во второй раз встретил ее случайно.

Утром ты сел на автобус и поехал к морю и там долго лежал, глядя, как другие заходят в море по острым камням. До рейса оставалось полтора часа. А аэропорт был совсем рядом.

Два подростка в одинаково длинных шортах прыгали через голову с огромного надувного плота. И тебе почему-то захотелось назвать их братьями. Они прыгали одинаково и были одного роста.

Широкий надувной плот переваливался по волнам, и удержаться на нем было трудно. Дождавшись неподвижности, как на качелях, надо было успеть прыгнуть в верхней точке, используя как бы и намерение себя, и инерцию замирающего на мгновение под тобой чего-то другого.

Чего-то другого, подумал ты, пока «братья» снова карабкались на плот и выползали, хохоча, блестящими и хищными телами, сильными, как у акул, у которых от смеха и от желания как будто вдруг вырастали руки и ноги.

И ты завидовал им.

Неужели и все это должно было куда-то исчезнуть, словно бы ничего и не было? Ни блеска волн.

Ни радостных детских вскриков.

Ни губастого подшлепывания прибоя...

В отель ты вернулся на такси. Ты просто отказался от билета. Ты совсем не хотел повторений. Однако женщина уже сама шла тебе навстречу. Она широко улыбалась. И ты откровенно рассмеялся (скорее над самим собой, чем перед ней).

Как будто ты и в самом деле удивлялся этому невыдуманному закону.

Согласно которому все в мире повторяется.

Но в глубине своего смеха ты знал,

Что ей, этой женщине, суждено все равно потеряться.

Потому что есть и другой закон.

И ты принял ее предложение о мороженом.

О красных и белых пломбирных шариках в плоских металлических чашечках, на веранде, на фоне гор.

А потом от вина и от солнца вы просто спустились в ее номер.

Может быть, это было не так уж и плохо?

Они поднимались слегка нестройными шеренгами, в коротких одинаковых черно-желтых юбочках, в одинаковых гетрах с черно-желтыми ободками и в желтых с черным блузах. Они громко пели, поднимаясь по пологому склону.

– Дряни, – повторила женщина, глядя в окно. – Почему ты их так ненавидишь?

– Орут как оглашенные.

– На верхний стадион, наверное, – сказал он. – Просто дряни.

– Я схожу за вином.

Он быстро оделся и вышел. И уже знал, что не вернется обратно.

Девчонки на канатной станции уже рассаживались по кабинкам. Раскачивались и вскрикивали от восторга.

– Не раскачиваться! – кричал директор.

– На тренировку? – спросил ты доброжелательно, ступая в одну из кабинок.

– Сколько раз тебе повторять, не смей краситься! – заорала костлявая учительница.

И под визг и гам ты прыгнул в отплывающую кабинку.

Поначалу они рассматривали тебя исподтишка.

Особенно та, с ярко накрашенными губами.

Ты же избегал, боялся смотреть, чтобы себя не выдать.

Всего их было четыре, и через пару минут они уже откровенно разглядывали тебя, прыская от смеха в нелепо, по-детски, поставленные ладошки.

– А как вас зовут? – спросила вдруг та, накрашенная.

И уже все они вчетвером дружно посыпались в вырывающийся из-под ладошек истерический хохот.

Кабинка подпрыгнула.

– Мамочки! – вскрикнул кто-то.

Как все нелепо, подумал ты.

Как будто пошел за вином.

А сам...

Просто агония какая-то.

И сейчас даже не ответил,

Не назвал своего имени.

И теперь воцаряется молчание.

5

На смотровой площадке они побежали фотографироваться с гигантским Кинг-Конгом.

А ты подошел к перилам и долго смотрел вниз. Через решетку.

И думал:

«Как бы я ни дергался, а завтра все равно уже буду в Москве».

Солнце садилось в сторону моря.

Вокруг откровенно делали селфи.

Собственно, это было единственным, что оставалось.

Сделать селфи.

Выложить, например, в Фейсбук.

И не беда, что солнце уже село.

Лица еще хорошо видны.

Даже не сказал своего имени.

Жалко, что решетка.

Да все равно бы не прыгнул.

Лошадь стояла метрах в двадцати. Это была старая, усталая кляча. А вокруг был серый, грязный, подтаявший за день снег. За животным вверх простиралась серая, натоптанная на снегу дорога, уже постепенно темнеющая. Отсутствие солнца как-то странно освещало теперь и табличку на столбе. Там было написано про экскурсию на лошадях к вершине, которая чернела вдалеке.

– Там, на Чертовом Пальце, селфи лучше всего, – сказали рядом.